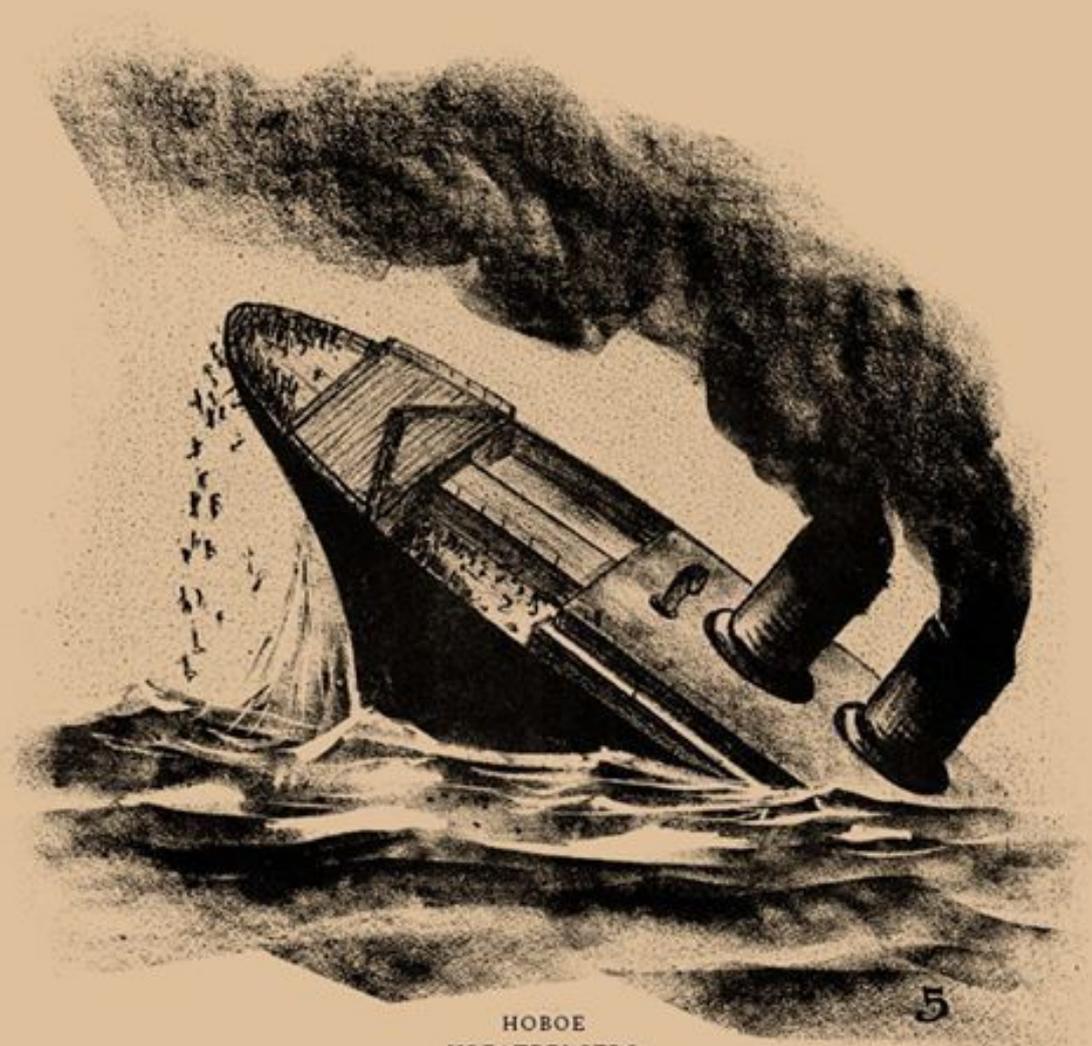

АЛЕКСАНДР ДОЛИНИН

«ГИБЕЛЬ ЗАПАДА» И ДРУГИЕ МЕМЫ

ИЗ ИСТОРИИ
РАСХОЖИХ ИДЕЙ
И СЛОВЕСНЫХ
ФОРМУЛ

НОВОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

5

Новые материалы и исследования
по истории русской культуры

Александр Долинин

**«Гибель Запада» и другие
мемы. Из истории расхожих
идей и словесных формул**

«Новое издательство»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Долинин А. А.

«Гибель Запада» и другие мемы. Из истории расхожих идей и словесных формул / А. А. Долинин — «Новое издательство», 2020 — (Новые материалы и исследования по истории русской культуры)

ISBN 978-5-98379-247-8

Кому гадит англичанка, давно ли начал загнивать Запад и кто сказал, что все мы вышли из гоголевской «Шинели»? Увлекательная история этих и многих других расхожих идей и словесных формул, которые веками живут в русской культуре, в книге Александра Долинина превращается в глубокое исследование устройства культурной памяти и сложной механики культурных изменений.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98379-247-8

© Долинин А. А., 2020
© Новое издательство, 2020

Содержание

От автора	6
«Гибель Запада»: к истории одного стойкого верования	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Долинин
«Гибель Запада» и другие
мемы. Из истории расхожих
идей и словесных формул

© Новое издательство, 2020

От автора

В эту книгу вошли статьи и заметки об истории крылатых слов, поговорок, расхожих цитат и других речевых и мыслительных клише, которые последнее время называют мемами. Некоторые из этих работ – как, например, о происхождении апокрифической фразы «Все мы вышли из „Шинели“ Гоголя» или термина «Серебряный век» – носят историко-литературный характер, в других рассматриваются общеизвестные словесные формулы, появившиеся еще в XIX веке, но использующиеся и по сей день в различных контекстах, в том числе в современном политическом дискурсе, не исключая и пропаганду.

«Каждая культура, – писал Ю. М. Лотман, – определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить), а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и „как бы перестает существовать“. Но сменяется время, система культурных кодов, и меняется парадигма памяти-забвения»¹. Может показаться, что мемы, о которых идет речь в книге, благополучно переживают любую смену парадигм и принадлежат к классу «вычеркиваемых» культурных единиц. В некоторых случаях это действительно так. Вот уже два века русский комплекс неполноценности пытаются лечить псевдонаучными пророчествами неминуемой и очень скорой гибели Запада, которая всякий раз откладывается на потом. С другой стороны, среди мыслящих людей в России неизменной остается «тоска по чужбине», обнаруженная Ключевским еще в культуре XVII века. Чаще, однако, со сменой кодов и контекстов значение мемов изменяется, и они приобретают новые смыслы и функции. Так, формула «северная Семирамида» (о Екатерине II) теряет первоначальную острую двусмысленность и превращается в заурядный панегирический титул, когда забывается ее связь с сюжетом трагедии Вольтера «Семирамида». Восходящий к «Ревизору» мем «англичанка гадит», который когда-то считался образцом шовинистической глупости, ныне лживыми пропагандистами выдается за многовековую народную мудрость. В поговорке «Поскребите русского и найдете татарина» теперь видят намек на этническую нечистоту русской нации, тогда как в XIX веке всем было понятно, что татарин здесь означает дикаря, нецивилизованного азиата в противопоставлении цивилизованному европейцу.

К изучению возникновения, трансляции и переосмысления мемов я старался подходить как к частному случаю исследования механизмов культурной памяти, которая, подобно памяти индивидуальной, работает не только в режиме «хранения» или «забвения», но знает множество промежуточных состояний и должна изучаться в динамике. Более всего меня интересовали две стороны проблемы: происхождение мема и причины его выживания в разных контекстах. Свою задачу я видел в том, чтобы выявить источники расхожих формул и проследить их дальнейшую судьбу вплоть до сегодняшнего дня.

В настоящее время изыскания подобного рода все больше и больше опираются на электронный поиск необходимых источников. Многие мои находки тоже были сделаны при помощи Google Books Advanced Search и ряда других поисковых систем, хотя в общем и целом я предпочитаю дедовские способы. Очевидные негативные стороны работы с поисковиками и электронными базами часто отпугивают от них историков литературы старшего поколения (о коих не сужу, затем, что к ним принадлежу). Поисковики несовершенны (и становятся все менее пригодными для научных разысканий), плохо распознают старую орфографию, выдают огромное количество мусора, создают крайне опасную иллюзию полноты и отсылают к первым попавшимся изданиям; электронные базы, даже самые лучшие, полны лакун и ошибок, допущенных при сканировании текстов. Тем не менее, при соблюдении определенных правил

¹ Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 201.

отсеивания лишнего и верификации нужного, сейчас можно за несколько минут получить сведения, которые раньше добывались месяцами и годами. Приведу один занятный пример.

У Льва Лосева есть эссе «De la symétrie triste» о том, как в доинтернетную эпоху он и его друг Джеймс Райс искали источник пушкинского словосочетания «печальная симметрия» из «Пиковой дамы» («Полинялые штофные кресла и диваны с пуховыми подушками, с сошедшей позолотой, стояли в печальной симметрии около стен, обитых китайскими обоями»²). Введенные в заблуждение каким-то американским студентом Райса, сообщившим, что он видел похожую фразу в книге Вашингтона Ирвинга, они предприняли многолетние поиски, которые не дали результата³. Если бы у Лосева и Райса была возможность воспользоваться интернетом, они за несколько минут выяснили бы, что никакой «печальной симметрии» у Ирвинга нет, но что она в форме «la triste symétrie» (именно с таким порядком слов) встречается по крайней мере в двух французских поэтических текстах, написанных до «Пиковой дамы», и в авторском примечании к третьему. Из них наиболее вероятным источником Пушкина можно считать первую песнь поэмы «Театральная декламация» («La declamation théâtrale», 1760) поэта и драматурга Клода-Жозефа Дора (Claude-Joseph Dorat, 1734–1780), которого Пушкин, безусловно, читал в Лицее, хотя впоследствии отнес к числу «бездарных писак, грибов выросших у корн<я> дубов»⁴. В ней поэт наставляет актрис:

Loin du jeu théâtral la triste symétrie,
Et le compas glacé de la géométrie

[Театральной игре чужда печальная симметрия / И холодный циркуль геометрии]⁵.

Конечно, доступ к интернету лишил бы Лосева и Райса удовольствия от чтения Ирвинга, но зато сэкономил бы им много времени и, главное, быстро принес бы искомый результат. Поскольку в моей практике подобные истории случались неоднократно, я думаю все-таки, что работа с поисковиками имеет больше плюсов, чем минусов.

Для настоящей книги я написал четыре новые заметки («Поскребите русского и найдете татарина», «Праздник жизни», «Зависть – сестра соревнования», «Азиатская роскошь») и полностью переработал «Северную Семирамиду», ранее доступную только в интернете, подправив и слегка дополнив все остальное⁶.

В работе с французскими источниками и переводами мне много раз помогала В. А. Мильчина, которой я безмерно благодарен за консультации. Если какие-то опечатки и неточности остались неисправленными, то вся вина за это лежит на мне. Кроме того, я хочу сердечно поблагодарить Б. А. Каца, Г. А. Левинтона, А. Л. Осповата, К. А. Осповата, Н. Г. Охотина, Р. Д.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. [М.; Л.] 1948. Т. VIII. Кн. I. С. 239.

³ Лосев Л. De la symétrie triste // Лосев Л. Солженицын и Бродский как соседи. СПб., 2010. С. 14–23. См. также в воспоминаниях Райса: Райс Дж. Л. Леша в Скиннервилле: Le ventre de Péterbourg et la tristesse symétrique // Лифшиц/Лосев/Loseff: Сборник памяти Льва Владимировича Лосева / Составители М. Гронас, Б. Шерр. М., 2017. С. 109–122.

⁴ Пушкин А. С. Указ. соч. [М.; Л.] 1949. Т. XI. С. 496.

⁵ Dorat C.-J. Poesies. Genève, 1777. Т. I. P. 7.

⁶ Первые публикации см.: 1) «Гибель Запада»: к истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе: «Русская идея» / Под ред. В. Е. Багно и М. Э. Маликовой. СПб., 2010. С. 26–76; 2) «Англичанка гадит» // Intermezzo festozo: Историко-филологический сборник в честь доцента кафедры русской литературы Тартуского университета Леа Пильд. Тарту, 2019. С. 112–120; 3) «Тоска по чужбине» // From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon / Ed. by L. Fleishman et al. Frankfurt am Main, 2012. P. 59–64; 4) «Иных уж нет, а те далече...» [Заметки для Веры: комментарии к двум стихам из «Евгения Онегина»] // Русско-французский разговорник, или/ou Les Causeries du 7 Septembre: Сборник статей в честь Веры Аркадьевны Мильчиной / Ред. Е. Лямина, О. Лекманов. М., 2015. С. 102–115; 5) Кто сказал «Все мы вышли из „Шинели“ Гоголя?» // Русская литература. 2018. № 3. С. 163–170; 6) Пропущенные звенья в истории термина «Серебряный век»: 1946–1952 // Acta Slavica Estonica. Vol. X. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Т. XVI: Серебряный век в русской литературе и культуре конца XIX – начала XX в. К 90-летию со дня рождения З. Г. Минц. Тарту, 2019. С. 13–27.

Тименчика, А. М. Хазанова, чьими знаниями и советами я неоднократно пользовался, Андрея Курилкина, позвавшего меня в замечательное «Новое издательство», и Софью Боленко, составившую именной указатель книги. Без моего первого и главного читателя, Галины Лапиной, книга не была бы написана. Галя, спасибо за все!

«Гибель Запада»: к истории одного стойкого верования

Россия по своему положению, географическому, политическому etc., есть судилище, приказ Европы. – Nous sommes les grands juges. Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны...
– А.С. Пушкин

Как всем известно, русская культура изобилует всевозможными эсхатологическими пророчествами и предсказаниями, апокалиптическими проекциями, плачами о гибели мира или Земли Русской и т.п. В этом непрерывно пополняемом эсхатологическом дискурсе выделяется немалая группа текстов, которые – вопреки основному апокалиптическому канону – возвещают скорый, неминуемый конец не всемирной истории и не своему народу или государству, а чужой культуре – возвещают гибель Запада. Вот уже на протяжении почти двух веков многие русские интеллигенты, которым, говоря словами обращенной к ним инвективы Валерия Брюсова (1919), всегда «были любы трагизм и гибель / Иль ужас нового потопа», гадают, «в огне ль, на дыбе ль / Погибнет старая Европа»⁷. Кто только не пророчил европейскому миру неминуемую, скорую, страшную гибель? Назову лишь самые громкие имена XIX – начала XX века: Иван Киреевский, Хомяков, Лермонтов, Шевырев, Тютчев, Одоевский, Достоевский, Данилевский, Герцен, Леонтьев, Розанов, Мережковский, Брюсов, Андрей Белый, Блок. Понятно, что все эти поэтические прорицания, публицистические иеремиады и псевдонаучные прогнозы были производными от исходного противопоставления России Западу как враждебных друг другу историко-культурных «организмов» – от пресуппозиции, где «своему» приписывались положительные, а «чужому» отрицательные признаки. Дряхлый, больной, загнивающий, материалистический, безбожный, буржуазно-индивидуалистический Запад должен погибнуть, чтобы освободить место для России – молодого, здорового, расцветающего, одухотворенного и сплоченного глубокой христианской верой народа, которому суждено великое историческое будущее.

Впервые мысль о том, что историческая судьба Западной Европы близка к завершению, была высказана молодым Иваном Киреевским в «Обозрении русской словесности 1829 года».

Англия и Германия, – писал он, – находятся теперь на вершине европейского просвещения; но влияние их не может быть живительное, ибо их внутренняя жизнь уже окончила свое развитие, состарелась и получила ту односторонность зрелости, которая делает их образованность исключительно им одним приличною. Вот отчего Европа представляет теперь вид какого-то оцепенения; политическое и нравственное усовершенствования равно остановились в ней; запоздалые мнения, обветшалые формы, как запруженная река, плодоносную страну превратили в болота, где цветут одни незабудки да изредка блестит холодный, блуждающий огонек⁸.

Историко-культурная концепция Киреевского, как показал Александр Койре, основывалась на убеждении, что Европа достигла совершенства, и это совершенство есть завершение. <...> Затем может последовать только стагнация, предшествующая упадку и неизбежному загниванию, – эти явления присущи всему живому. Чтобы продвинуться далее, нужны новые силы, требуется молодой организм. Но во всем мире лишь Россия способна нести знамя цивилизации, выпадающее из ослабевших рук западных народов; сюда сместится центр, живое

⁷ Брюсов В. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. и сост. Д.Е. Максимова. Л., 1961. С. 433.

⁸ Киреевский И.В. Эстетика, философия, критика. М., 1983. С. 78.

сердце, которое даст ей новую кровь и вдохнет новую жизнь. По отношению к Западу Россия является наследницей, на которой сходятся все надежды семейства. Она получит все богатства, накопленные веками труда, весь опыт своих предков⁹.

Вслед за Киреевским, в 1833–1835 годах похожую концепцию разрабатывает В.Ф. Одоевский в очерке, который впоследствии составит эпилог «Русских ночей». На «старом Западе», констатирует он, вырождаются наука, искусство и религиозное чувство, что свидетельствует о неминуемом конце европейской цивилизации:

Погибают три главные деятели общественной жизни! Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным и через несколько времени – слишком простым: Запад гибнет!

Так! он гибнет! Пока он собирает свои мелочные сокровища, пока предается своему отчаянию – время бежит, а у времени есть собственная жизнь, отличная от жизни народов; оно бежит, скоро обгонит старую, одряхлевшую Европу – и, может быть, покроет ее теми же слоями недвижимого пепла, которыми покрыты огромные здания народов древней Америки – народов без имени¹⁰.

Как и Киреевский, Одоевский убежден, что сама высокая степень развития техники, промышленности, образования, политических институтов на современном Западе уже является «признаком падения, гибели», ибо «высшее развитие сил какого бы то ни было организма есть *начало его конца*»¹¹. Спасти (излечить) одряхлевший Запад, по его мысли, может только вливание свежей, молодой крови, которую способен предоставить единственный донор – Россия:

Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы; пред нами разыгрывается ее странная, таинственная драма, которой разгадка, может быть, таится в глубине русского духа; мы – только свидетели; мы равнодушны, ибо уже привыкли к этому странному зрелищу; мы беспристрастны, ибо часто можем предугадать развязку, ибо часто узнаем пародию вместе с трагедией... Нет, недаром провидение водит нас на эти сатурналии, как некогда спартанцы водили своих юношей смотреть на опьянелых варваров!¹²

В статье С.П. Шевырева «Словесность и торговля», открывавшей первый же номер «Московского наблюдателя», говорилось, что «старость Европы» сделалась «половицею всего образованного мира» и что современный европейский роман есть «выразитель эпохи престарелой» и потому имеет «лицо неприятное, эти неизбежные морщины и желтый цвет старости, лицо или запечатленное холодным отчаянием и безверием, или обезображенное судорогами испорченных нервов»¹³.

В 1836 году В.П. Титов, побывав за границей, обращается к Одоевскому с большим письмом, где сравнивает Германию со стариком, который «ходит с костылем <...> и сам чувствует свою дряхлость». После знакомства с Западом он, по его словам, «стал гораздо более *Турком* и *Азиатцем* нежели был когда-нибудь» и пришел к мысли, что России пора отказаться от подражания Западу и вернуться к «самим себе и к Востоку»¹⁴.

⁹ Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2003. С. 221–222.

¹⁰ Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 147.

¹¹ Там же. С. 150.

¹² Там же. С. 148.

¹³ Шевырев С. Словесность и торговля // Московский наблюдатель. 1835. Кн. 1. Март. Ч. I. С. 14, 15.

¹⁴ Титов В.П. Письмо В.Ф. Одоевскому / Публ. и примеч. В.И. Сахарова, А.В. Коренькова // Контекст 1994–1995: Литература

Примерно в то же время противопоставление смертельно больной Европы здоровой, полной сил, молодой России начинает появляться и в официальной, «уваровской» пропаганде. Сам С.С. Уваров в письме Николаю I (1832), где была впервые сформулирована знаменитая триада «православие – самодержавие – народность», вскользь заметил, что современная западная цивилизация содержит в себе «зародыш собственного уничтожения» (*le germe de sa destruction*) и находится в упадке (*dégradation*)¹⁵. Развивая мысли Уварова, профессор философии Петербургского университета А.А. Фишер в программной речи «О ходе образования в России и об участии, какое должна принимать в нем философия» призывал поставить заслон лжеобразованию, «которое, подобно нравственной язве, заражает и повреждает более и более общественное тело дряхлеющей Европы»¹⁶.

Из публицистики идея гибели Запада быстро перетекает в поэзию, где обретает символическую образность. Сначала А.С. Хомяков публикует в «Московском наблюдателе» знаменитую «Мечту» (1835) – своего рода некролог европейской культуры:

О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
На дальнем Западе, стране святых чудес:
Светила прежние бледнеют, догорая,
И звезды лучшие срываются с небес.
А как прекрасен был тот Запад величавый!
Как долго целый мир, колена преклонив
И чудно озарен его высокой славой,
Пред ним безмолвствовал, смирен и молчалив.
Там солнце мудрости встречали наши очи,
Кометы бурных сеч бродили в высоте,
И тихо, как луна, царица летней ночи,
Сияла там любовь в невинной красоте.
Там в ярких радугах сливались вдохновенья,
И веры огонь живой потоки света лил!..
О! никогда земля от первых дней творенья
Не зрела над собой столь пламенных светил!
Но горе! век прошел, и мертвенным покровом
Задернут Запад весь. Там будет мрак глубок...
Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом,
Проснися, дремлющий Восток!¹⁷

Хомяков, кажется, первым соединил пророчество (или, точнее, мечту) о гибели европейской цивилизации и расцвете «Востока» с астрономической и световой символикой, обыграв географическую локализацию двух противостоящих друг другу культур – восточной и западной, новой и старой – по странам света, где соответственно восходит и заходит солнце, и создав образ «заката Европы», который потом станет общеупотребительным топосом (напомним, что само слово «закат» означает и заход солнца, и запад). Подобно Киреевскому и Одоевскому, он противопоставляет блистательное прошлое западной науки, искусства и религи-

ратурно-теоретические исследования. М., 1996. С. 124–126. Об этом письме см. также: Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма: Князь В.Ф. Одоевский. М., 1913. Кн. 1. Ч. 1. С. 336–337.

¹⁵ Цит. по: Зорин А. Идеология «православия – самодержавия – народности»: опыт реконструкции. (Неизвестный автограф меморандума С.С. Уварова Николаю I) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 92, 93.

¹⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 5. С. 31. Подробнее об этой речи см.: Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 273–280.

¹⁷ Хомяков А.С. Стихотворения и драмы / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б.Ф. Егорова. Л., 1969. С. 103.

озного чувства современному и будущему их состоянию, которое осмысливается как угасание, умирание, наступление мрака. На смену «европейской ночи» должен прийти новый день – «свет с Востока», то есть из России, которой, по Хомякову, Провидение предназначило стать центром новой, высшей культуры:

И другой стране смиренной,
Полной веры и чудес,
Бог отдаст судьбу вселенной,
Гром земли и глас небес¹⁸.

В 1836 году смерть Западу предрек и юный Лермонтов во второй (долгое время оставшейся ненапечатанной) части «Умиряющего гладиатора», где конец европейской культуры, пораженной «язвой просвещения» и потерявшей веру, уподобляется не закату солнца, а гибели бойца на арене:

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд – игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещения,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины,
И рыцарских времен волшебные преданья —
Насмешливых льстецов несбыточные сны¹⁹.

Эта вариация на тему «гибели Запада», которая явно перекликалась с «реакционными» идеями Одоевского или Хомякова, противоречила принятой в СССР концепции Лермонтова как «революционного романтика», что заставило советских комментаторов и исследователей стихотворения изворачиваться в поисках других, «прогрессивных» параллелей к концовке

¹⁸ Там же. С. 107. Именно с Хомякова начинается история приспособления к России (и, шире, ко всему славянскому миру) латинского изречения «Ex Oriente lux», которое традиционно относили к восточной мудрости, к Палестине как родине Христа и христианства, к Древней Греции и т.п. Ср. аналогичную формулу в хомяковском стихотворении «Еще о нем»: «...не утро ль с Востока встает?» (Там же. С. 120) и в «Возврате» К.С. Аксакова: «Смотрите – мрак уж робко убегает, / На Западе земли лишь он растет; / Восток горит, день не далек, светает, / И скоро солнце красное взойдет» (Аксаков К.С. Сочинения / Ред. и примеч. Е.А. Ляцкого. Пг., 1915. С. 53). Сходную солярную символику нередко использовал Достоевский в своей публицистике. Ср., например: «...на Востоке действительно загорелась и засияла небывалым и несслыханным еще светом третья мировая идея – идея славянская, идея нарождающаяся, – может быть, третья грядущая возможность разрешения судеб человеческих и Европы. <...> Солнце показалось на Востоке, и для человечества с Востока начинается новый день. Когда просияет солнце совсем, тогда и поймут, что такое настоящие „интересы цивилизации“» (Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 9, 51). Если для Достоевского, как и для Хомякова и Аксакова, восходящее солнце России есть солнце «Христовой правды», то в знаменитом стихотворении Вл. Соловьева «Ex Oriente lux» вопрос о том, каким Востоком хочет стать Россия – «Востоком Ксеркса или Христа?», – оставлен открытым (Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. ст., сост. и примеч. З.Г. Минц. Л., 1974. С. 81).

¹⁹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. СПб., 2014. Т. I: Стихотворения / Отв. ред. Н.Г. Охотин. С. 270.

«Умиряющего гладиатора». Поскольку его первая часть представляет собой переложение двух строк четвертой песни «Паломничества Чайльд Гарольда», Б.М. Эйхенбаум попробовал связать с поэмой Байрона и лермонтовскую эсхатологическую картину умирающего на арене истории «европейского мира». «Вся IV песнь „Чайльд-Гарольда“ написана на тему непрочности культуры и построена на контрастах величия и разрушения, – комментировал он. – Стихи Лермонтова звучат как резюме Байроновских размышлений, но с важными и характерными дополнениями и деталями»²⁰. М.Л. Нольман в статье «Лермонтов и Байрон» принял эту точку зрения, указав, что в 94-й строфе 4-й песни «Чайльд Гарольда», где речь идет о ходе мировой истории, есть сравнение человечества с гладиаторами²¹:

And thus they plod in sluggish misery,
Rotting from sire to son, and age to age,
Proud of their trampled nature, and so die,
Bequeathing their hereditary rage
To the new race of inborn slaves, who wage
War for their chains, and rather than be free,
Bleed gladiator-like, and still engage
Within the same Arena where they see
Their fellows fall before, like leaves of the same tree

[И вот так они бредут в вялой тоске, / И гниют от отца к сыну, от века к веку, / Гордые своей растоптанной природой, и так умирают, / Оставляя свой гнев в наследство / Новой расе врожденных рабов, которые воюют / За свои оковы и вместо того, чтобы добыть свободу, / Проливают кровь, как гладиаторы, и продолжают биться / На той же Арене, где перед ними / Раньше падали их собратья, подобно листьям / с одного и того же дерева]²².

Разумеется, уподобление мировой истории боям гладиаторов могло подсказать Лермонтову общий план развернутого сравнения, но «Умирающий гладиатор» отнюдь не резюмирует пессимистические размышления Байрона о неизменной порочности человеческой природы и отсутствии прогресса в нравственной сфере, а предлагает чуждую Байрону органицистскую концепцию стадийного развития «европейского мира», который, пережив «юность светлую, исполненную сил», пошел по ложному пути, предался «язве просвещения и гордой роскоши», потерял веру в «борьбе сомнений и страстей», состарился, обессилел и потому обречен на скорую гибель. Понимая, видимо, что эта историческая модель совсем не похожа на метаисторическую мизантропию Байрона, Эйхенбаум в примечаниях к стихотворению в собрании сочинений 1936 года добавил, что, кроме «Чайльд Гарольда», на Лермонтова повлияли и «некоторые славянофилы», чьи суждения о разложении «европейского мира» он повторил.

Даже осторожное сближение Лермонтова со славянофильскими воззрениями вызвало возражения у Л.Я. Гинзбург. Она признала, что заключительная часть «Умирающего гладиатора» несколько напоминает «Мечту» Хомякова, которая, по ее предположению, могла послужить толчком для Лермонтова²³. Однако, по Гинзбург, внешнее тематическое сходство лишь

²⁰ См. комментарии Б.М. Эйхенбаума к «Умирающему гладиатору» в изд.: Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. М.; Л., 1936. Т. II. С. 164.

²¹ Нольман М. Лермонтов и Байрон // Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова. М., 1941. С. 502–503.

²² The Works of Lord Byron / Complete in One Volume. With Notes by Thomas Moore, a.o. London, 1837. P. 52.

²³ Косвенные доказательства в пользу этого предположения представил впоследствии В.Э. Вацура, показавший, что стих «И молит жалости напрасно мутный взор» в первой части «Умирающего гладиатора» восходит не к Байрону, а к русскому переводу главы из романа Э. Булвер-Литтона «Последние дни Помпеи», напечатанному в 1835 году в журнале «Московский наблюдатель»: «Побежденный гладиатор медленно провел по всему амфитеатру мутные, исполненные тоски и отчаяния глаза. Увы... ни в одном из взоров, на него устремленных, не видал он и следов жалости и милосердия» (Московский наблюдатель.

подчеркивает принципиальные различия, так как основная мысль Лермонтова здесь противоположна мысли Хомякова. Если Хомяков, пишет она, «готов преклониться перед Западом как источником христианской культуры», то

Лермонтов видит на Западе источник освободительных идей, рожденных Французской революцией; ибо иначе невозможно истолковать строки

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир...

Для Хомякова «мрак», окутывающий современный Запад, – это мрак безверия, скептицизма надвигающегося «промышленного века», словом, «мрак» капиталистической эры. Для Лермонтова, как и для Байрона, это мрак мировой реакции, толкающей романтизм к мистике и средневековью <...> а это мысль *прямо антиславянофильская*.

Что же касается мотива «язвы просвещения», то, согласно Гинзбург, для своего обоснования он «вовсе не нуждается в идеях славянофилов и может быть целиком выведен из того оппозиционного, прошедшего через байронизм, руссоизма, который давно уже бытовал в русской литературе»²⁴.

Стремясь записать Лермонтова в «революционные романтики» и противопоставить его Хомякову, Гинзбург явно передернула карты. Думаю, она прекрасно понимала, что в словах Лермонтова о том, что «европейский мир» в прошлом был кумиром «пламенных мечтателей», нет никакого намека на французских революционеров, которые отнюдь не поклонялись старой европейской цивилизации, а, наоборот, стремились ее разрушить. По сути дела, Лермонтов конспективно передает здесь мысль Хомякова о былом величии Запада, озарявшем остальной мир своими «пламенными светилами» (ср. «пламенные мечтатели») и бывшем для других народов, из него исключенных (прежде всего для России), предметом поклонения, то есть кумиром (ср. у Хомякова: «...как долго целый мир, колена преклонив / <...> / пред ним безмолвствовал, смирен и молчалив»). Под «пламенными мечтателями», поклонявшимися ценностям европейской цивилизации, можно подразумевать кого угодно – как самих культурных героев «европейского мира», его создававших, прославлявших и воспевавших, – святых, мыслителей, религиозных и политических деятелей, художников, поэтов, так и его страстных поклонников, находящихся за его пределами, – скажем, русских «западников» от Петра I до Радищева или декабристов. Как и Хомяков, Лермонтов относит истинное величие Запада к его далекому прошлому, к «светлой юности», то есть к Средним векам и Возрождению; сам эпитет «светлая» явно перекликается со световыми метафорами «Мечты». Тогда «язва просвещения» и «гордая роскошь», которые поражают «европейский мир», – это не изначальные пороки западной цивилизации, как у Руссо, а признаки исторической эпохи, наступившей после «светлой юности», связанные с потерей веры и «борьбой сомнений и страстей», то есть скорее с веком разума и с той же Французской революцией, нежели с «мраком мировой реакции»²⁵.

1835. Кн. 2. Июнь. С. 582). Из этого следует, что Лермонтов в 1835–1836 годах читал «Московский наблюдатель», в первом номере которого была опубликована «Мечта» Хомякова, и, как осторожно пишет Вацуру, именно это чтение могло поддерживать у него идею старения европейского мира. См.: Вацуру В.Э., Мотовилов Н.Н. «Умиравший гладиатор» // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 590.

²⁴ Гинзбург Л.Я. Творческий путь Лермонтова. Л., 1940. С. 201; *курсив автора*.

²⁵ Несмотря на очевидную слабость аргументации Гинзбург, Эйхенбаум фактически признал ее правоту. В работе «Лирика Лермонтова» (1940) он писал, что в «Умиравшем гладиаторе» «имеется явный намек на революцию 1789 г.: слова „Когда-то пламенных мечтателей кумир“ надо понимать как воспоминание о Франции тех лет». Сходство выраженной в стихотворении идеи «гибели Европы» с тезисами славянофильской теории он теперь называет только внешним, объясняя отрицательное отношение Лермонтова к современному Западу наступившей после революции 1830 года реакцией: «...за этими мыслями

Совпадение представлений о судьбе Запада у столь разных современников – у молодого «европейца» Киреевского, еще столь далекого от славянофильства, и у его оппонента Хомякова, славянофильскую доктрину разрабатывающего, у философствующего Одоевского и у чуждого всякому отвлеченному философствованию Лермонтова, у лоялистов из уваровской партии и у их оппозиционно настроенных противников – свидетельствует о том, что в 1830-е годы в России складывается мифопорождающее историософское верование в скорый и неминуемый конец «европейского мира»²⁶. Оно основывается на уподоблении развития историко-культурных формаций, условно определяемых как Запад и Восток, природным явлениям (запруженная река у Киреевского, восход и заход солнца у Хомякова) и/или росту и умиранию живых организмов и тел (оппозиция «старый, дряхлый Запад» и «юный славянский Восток» с его «свежими могучими соками» у Одоевского; «европейский мир» как умирающий гладиатор у Лермонтова). Из базового органицистского уподобления, характерного для романтического мышления как такового, выводятся и все сопутствующие метафоры мифа: Запад описывается как больной, зараженный, гниющий, бесплодный, обескровленный, агонизирующий или уже мертвый организм, а славянский Восток, наоборот, как организм молодой, еще неразвитый и только приближающийся к зрелости. России при этом отводится роль зрителя чужих страданий, наблюдающего с безопасной дистанции за агониями, «сатурналиями» или гладиаторскими боями на арене истории и ждущего своего часа, чтобы выйти триумфатором (или, в другом варианте, спасителем-врачом) на эту арену. «Русские выходят последние на сцену Европы, чтобы все докончить», – формулировал эту идею Шевырев в 1830 году в дневнике²⁷.

Показательно, что возникновение этого верования не было обусловлено какими-то катаклизмами или очевидными кризисными явлениями на Западе. Как говорит Виктор, оппонент резонера в «Русских ночах», «...Запад погибает? Что за вздор! Напротив, когда, в какую эпоху он был так богат силами и средствами жизни, как в нынешнюю? Все в нем движется: железные дороги пересекают его из края в край; промышленность дошла до чудесного; война сделалась невозможностию; личная безопасность ограждена; школы размножаются; тюрьмы смягчаются; науки идут исполинскими шагами»²⁸. Виктор готов признать, что «настоящее состояние западной промышленности представляет много странного и печального», но не соглашается с мыслью, что негативные явления, характерные для развитых европейских стран, суть симптомы смертельного недуга. Примерно так же возражал Одоевскому Белинский после выхода «Русских ночей».

Неужели согласиться с Фаустом, что Европа того и гляди прикажет долго жить, а мы, славяне, напечем блинов на весь мир, да и давай поминки творить по покойнице? – спрашивал он. – <...> Нельзя так легко делать заключения о таких тяжелых вещах, какова смерть – не только народов (морить народов нам уж нипочем), но целой и притом лучшей, образованнейшей части света. Европа больна, – это правда, но не бойтесь, чтоб она умерла: ее болезнь от избытка здоровья, от избытка жизненных сил; это болезнь

скрываются <...> выраженные в юношеской политической лирике и в поэмах тенденции, в центре которых – призыв к героическим делам» (Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М.; Л., 1961. С. 324). Более глубокий и тонкий анализ исторических взглядов Лермонтова в связи с «Умирающим гладиатором» см. в современных работах: Лотман Ю.М. «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова // Лотман Ю.М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 609; Немзер А.С. Об «антиисторизме» Лермонтова // «Цепь непрерывного предания...»: Сборник памяти А.Г. Тартаковского. М., 2004. С. 259–261.

²⁶ Ср. замечание Ю.З. Янковского о том, что мысль о «гниющем Западе» и «просыпающемся Востоке» предшествует формированию цельной системы славянофильских воззрений (Янковский Ю.З. Патриархально-дворянская утопия: Страница русской общественно-литературной мысли 1840–1850-х годов. М., 1981. С. 106–107).

²⁷ Цит. по: Мазур Н.Н. Из истории формирования русской национальной идеологии (первая треть XIX в.) // «Цепь непрерывного предания...»: Сборник памяти А.Г. Тартаковского. М., 2004. С. 229, примеч. 20.

²⁸ Одоевский В.Ф. Указ. соч. С. 149–150.

временная, это кризис внутренний, подземной борьбы старого с новым; это – усилие отрешиться от общественных оснований средних веков и заменить их основаниями, на разуме и натуре человека основанными. <...> Мы предвидим наше великое будущее; но хотим непременно иметь его на счет смерти Европы: какой поистине *братский* взгляд на вещи! <...> Неужели для счастья одного брата непременно нужна гибель другого? Какая не философская, не цивилизованная и не христианская мысль!..²⁹

В контексте конца 1820-х – начала 1830-х годов мысль о гибели Запада выглядела тем более странной, что все основные историко-философские доктрины Западной Европы как раз были преисполнены тогда оптимизма по поводу ее настоящего и будущего. Так, Франсуа Гизо в курсе лекций «История цивилизации в Европе» постулировал, что европейская цивилизация еще очень и очень молода, непрерывно прогрессирует и что путь, который ей еще предстоит пройти, неизмеримо длиннее того, который она проделала³⁰. Явно противоречила идея скорого конца европейской цивилизации и исторической концепции Гегеля. Даже такие католические критики новых демократических порядков и религиозного индифферентизма, как Балланш во Франции или Фридрих Шлегель в Германии, в это время предсказывают грядущее социальное и духовное обновление, начало, по «Философии истории» Шлегеля (1828), «эпохи Света»³¹. Поэтому может показаться, что мы имеем дело с чисто русской мыслительной конструкцией, с национальной «мечтой самолюбия», как полагал Белинский. Однако в данном случае не грех прислушаться к Н.Г. Чернышевскому, который писал в «Очерках гоголевского периода»: «Откуда же взялась у нас <...> мысль или, лучше сказать, не мысль, а *мелодраматическая фраза* о том, что Запад дряхлый старец, который извлек из жизни уже все, что мог извлечь, который истощился жизнью, и т.д.? Да все из разных западных же пустынь или тупоумных книжонок и статей <...>»³². Как кажется, Чернышевский в данном случае был прав, и истоки идеи следует искать в некоторых маргинальных ветвях немецкого и французского романтизма конца XVIII – первой трети XIX века.

Прежде всего, следует обратить внимание на немецкую традицию, восходящую к смутным пророчествам Гердера в «Дневнике моего путешествия в 1769 году» о возникновении в будущем «новой Греции» на северо-западе континента, откуда «дух распространится по всей ныне погруженной в сон Европе и заставит ее служить тому же духовному началу»³³. В России хорошо знали и идеи Ф. Шлегеля, в частности его представления о народе как «собирающей личности», едином организме, высшей стадией развития которого является теократическая империя, – представления, повлиявшие на националистическую концепцию С.С. Уварова³⁴. При этом Шлегель не верил, что Запад в состоянии осуществить подобный идеал. Так, в программной статье «Путешествие во Францию», напечатанной в журнале *Europa* (1803), который, вероятно, послужил Киреевскому моделью для его «Европейца», он высказал мысль о завершенности западной цивилизации. Характер Европы, писал он, «полностью выявился и завершился, и именно это и составляет сущность нашей эпохи. Отсюда полная неспособность

²⁹ Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1981. Т. 7. С. 120.

³⁰ Guizot F. Histoire générale de la civilisation en Europe, depuis la chute de l'Empire Romain jusqu'à la Révolution Française. Paris, 1828. P. 30.

³¹ См. об этом: Swart K.W. The Sense of Decadence in Nineteenth-century France. The Hague, 1964. P. 60, 74; Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied, 1961. S. 145.

³² Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1947. Т. III. С. 83.

³³ Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.; Л., 1959. С. 325–326. Подробнее о взглядах Гердера на будущее славянских народов см.: Groh D. Op. cit. S. 65–80; Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge, Mass.; London, 2000. P. 130–131.

³⁴ См. об этом: Зорин А.Л. Идеология «православия – самодержавия – народности» и ее немецкие источники // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996. С. 105–128.

к религии, если мне позволено употребить это слово, абсолютное отмирание высших органов. Глубже человек не может пасть, это невозможно. <...> сам человек почти стал машиной»³⁵. Согласно Шлегелю, в будущем Запад ждет неизбежное загнивание: «Род людей в Европе не будет изменяться к лучшему, но <...> будет все более и более ухудшаться в силу внутренней испорченности и, наконец, и внешне погрузится в состояние немощи и нищеты, которое не может преобразиться, в котором он, возможно, будет пребывать затем века, и лишь внешнее воздействие сможет извлечь его оттуда»³⁶. Это новое возрождение, считал он, может прийти только с Востока, из Азии, где сохраняется неиссякаемый источник религиозного энтузиазма», или, по его метафоре, «световой пламень» («die Lichtglut»).

Впоследствии, когда в Германии начали усиливаться эсхатологические настроения³⁷, Шлегель несколько модифицировал свою позицию, признав, что гибель Европы (а с нею и всего мира) возможна, но отнюдь не обязательна. В его статьях 1820 года, напечатанных в венском журнале *Concordia*, речь идет о «старческом упадке» лишь романских народов, которым противопоставляются более молодые германцы и славяне. Наиболее вероятным сценарием будущего ему представляются «славянские ожидания» («slavischen Erwartungen»), то есть выход на авансцену истории славянских народов, которые займут ведущие позиции в культуре и политике Европы и, благодаря своей религиозности, спасут ее от кризиса³⁸.

Как представляется, именно от этих пророчеств Шлегеля и от его идеи «славянских ожиданий» ведут свое происхождение органицистские концепции раннего Киреевского, Одоевского и «Мечта» Хомякова с ее световой символикой.

Для Лермонтова же (у которого идея омоложения западной цивилизации с помощью русской крови отсутствует) более актуальной была эсхатологическая риторика ряда французских писателей-романтиков, которые с конца 1820-х годов ведут полемику с взглядами Гизо и его школы, описывая историю «европейского мира» не как линейный, непрерывный прогресс, а как квазиорганический цикл, подходящий к завершению. В одном из главных манифестов французского романтизма – предисловии к драме «Кромвель» (1827) – Виктор Гюго писал, что цивилизация растет и развивается подобно отдельному человеку: когда-то она была ребенком, потом зрелым мужем, а сейчас мы наблюдаем ее импозантную старость³⁹. При публикации предисловия Гюго исключил из него большой фрагмент, где он развил эту аналогию; два года спустя он напечатал его в *Revue de Paris*. В этом фрагменте он говорит, что европейская цивилизация – третья великая цивилизация на Земле – приближается к своему завершению. «Наша постройка очень стара. Она распадается на отдельные части. Рим больше не является ее центром. Каждый народ тянет в свою сторону. Больше нет единства, ни религиозного, ни политического. Мнение заменило веру»⁴⁰. По Гюго, пришло время для переноса цивилизации в другое место: подобно тому как африканская цивилизация сменила азиатскую, а европейская – африканскую, четвертая великая цивилизация должна возникнуть в Северной Америке, где, как он пишет, уже созданы условия для полной реализации принципа свободы.

Если перспектива создания новой цивилизации казалась Гюго заманчивой, то консерватору Шатобриану она внушала только страх и отвращение. В 1817 году посетивший его американский историк Джордж Тикнор записал следующий его монолог:

Я не верю в европейское общество. <...> Через пятьдесят лет в Европе не останется ни одного *законного* монарха; от России я не жду ничего,

³⁵ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М., 1983. Т. 2. С. 16–17.

³⁶ Там же. С. 20.

³⁷ См. об этом: Schenk H.G. *The Mind of the European Romantics: An Essay in Cultural History*. London, 1966. P. 32.

³⁸ См. об этом: Groh D. *Op. cit.* S. 144.

³⁹ *Œuvres de Victor Hugo*. Bruxelles, 1837. Т. II. P. 8.

⁴⁰ Hugo V. *Fragment // Revue de Paris*. 1829. Т. III. P. 208.

кроме военного деспотизма; а через сто лет, подумайте, *сто!*.. будущее покрыто тучами, слишком темными для человеческого зрения; хочется сказать, слишком темными и непроницаемыми для пророчества. Вот в чем ужас нашего положения: *возможно*, мы присутствуем не только при гибели Европы, но и гибели всего мира⁴¹.

В России должны были обратить внимание на очерк Шатобриана «Будущее мира», напечатанный в качестве приложения к статье Сен-Бева о нем в *Revue des deux mondes* и впоследствии положенный в основу заключительной, 44-й книги «Замогильных записок» (датированной 25 сентября 1841 года)⁴². В этом очерке он предвещал, что в результате наступления демократии в Европе и Америке возникнет новый тип общества, похожий по устройству на пчелиный улей, где «погибнут воображение, поэзия, искусства; отдельный человек будет лишь рабочей пчелой, колесиком в машине, атомом в организованной материи. <...> через свободу мы придем к тому же социальному окостенению, к какому Китай пришел через рабство». Однако для Шатобриана, как и для Гюго, все грядущие перемены вызваны старостью европейского мира, который «умирает естественной смертью». «Современное общество, – пишет он, – складывалось на протяжении десяти веков: сейчас оно разлагается (*se décompose*). Поколения Средних веков были полны сил, потому что это было время подъема. Мы же, мы слабы, потому что наше время – это время упадка. Этот угасающий мир не обретет силу, пока он не дойдет до последней степени болезни...»⁴³

Сходные идеи с невероятной настойчивостью высказывал на страницах французской печати известный критик и переводчик, блестящий знаток английской и немецкой литератур Филарет Шаль, которого, как кажется, читали в России⁴⁴. Едва ли не в каждую свою статью или рецензию, независимо от того, какова была их основная тема, он вставлял пассажи о распаде современного общества, которое он сравнивал с умирающим, а иногда и мертвым телом, и называл сенильным старцем, впавшим в детство. Например, в рецензии на книгу «О просвещении матерей семейства» он восклицал:

Посмотрите вокруг себя, развеите туман политических клевет и обвинений, разорвите завесу лжи, и вы увидите болезнь в современном обществе. И какую странную болезнь. Это сильнейшая моральная боль, скрытая в развитом физическом теле, язва под золотым покровом. Никогда прежде мы не видели больше благотворительности, больше промышленности, больше просвещения. И никогда прежде мы не видели больше болезненных мыслей, злобных или горьких чувств, больше сожалений и растоптанных надежд. Благополучие народа растет, кричат нам экономисты, промышленность развивается; физические силы природы

⁴¹ Life, Letters, and Journals of George Ticknor / 8th ed. Boston, 1877. Vol. I. P. 140. Любопытно, что в беседе с Тикнором Шатобриан также заметил, что хотел бы посетить Россию, дабы «лучше оценить ту державу, от которой исходит угроза мирового господства».

⁴² Chateaubriand F.-R. de. Avenir du monde, fragment politique // *Revue des deux mondes*. Troisième série. 1834. Т. II. P. 232–238.

⁴³ Ibid. P. 237. Ср. в «Замогильных записках»: «Мы, самое зрелое и передовое государство, обнаруживаем признаки упадка. Как смертельно больной человек озабочен тем, что ждет его в могиле, так вымирающий народ беспокоится о своей грядущей судьбе. <...> Старый порядок в Европе близок к смерти <...> современная разложившаяся цивилизация гибнет по своей вине; жидкость, содержащаяся в сосуде, не излилась в другую чашу, ибо самый этот сосуд разбился. <...> Что касается старой Европы, то жизнь ее кончена. Больше ли надежд у молодой Европы? Современный мир, лишившийся власти, данной от Бога, похоже, находится меж двух невозможностей: невозможностью прошлого и невозможностью будущего» (Шатобриан Ф.-Р. де. *Замогильные записки* / Пер. О. Гринберг, В. Мильчиной. М., 1995. С. 582–583, 586).

⁴⁴ См., например, письмо Чаадаева к А.И. Тургеневу от 1 мая 1835 года: «Доставьте мне удовольствие: соберите кой-какие сведения о некоем Филарете Шаль, превосходные статьи которого попадают мне в *Revue de Paris*» (Чаадаев П.Я. *Сочинения* / Сост., подгот. текста, примеч. В.Ю. Проскуриной. М., 1989. С. 374).

используются с замечательной легкостью. <...> Наука, власть, просвещение, искусства объединяют усилия, чтобы улучшить жизнь. Везде разлит великолепный и яркий свет. Да, но почему же наши мучения все усиливаются! И мы страдаем, и мы плачем, и мы проклинаем! Нам говорят: больше нет войн, и повсюду воцарился мир. Мы проливаем мало крови, но много слез. Душа народов, охваченная ненавистью, завистью, гневом, наполненная тайными обидами и сгущенной горечью, страдает и истекает кровью. <...> Наше общество пожирает тяжелая, неизлечимая болезнь. <...> Низвергнув с трона бедную человеческую душу, заставив ее сомневаться в самой себе, изгнав любовь и веру, превратив все в скелет и окаменелость, восславив страсти и желания тела, уничтожив веру как моральную основу <...> не иссушили ли вы главный источник счастья? Подумайте!..⁴⁵

⁴⁵ Csl. [Chasles Ph.] De l'éducation des mères de famille, ou, la Civilisation du genre humain par les femmes; par M. Aimé-Martin... (Second article) // Journal des débats. 1834. 27 aout.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.